

Стихи С.Я. Маршака. Быль-небылица

Разговор в парадном подъезде

Шли пионеры вчетвером
В одно из воскресений,
Как вдруг вдали ударил гром
И хлынул дождь весенний.

От градин, падавших с небес,
От молнии и грома
Ушли ребята под навес —
В подъезд чужого дома.

Они сидели у дверей
В прохладе и смотрели,
Как два потока все быстрее
Бежали по панели,

Как забурлила в желобах
Вода, сбегая с крыши,
Как потемнели на столбах
Вчерашние афиши...

Вошли в подъезд два маляра,
Встряхнувшись, точно утки, —
Как будто кто-то из ведра
Их окатил для шутки.

Вошел старик, очки протер,
Запасся папиросой
И начал долгий разговор
С короткого вопроса:

— Вы, верно, жители Москвы?

— Да, здешние — с Арбата.

— Ну, так не скажете ли вы,
Чей это дом, ребята?

— Чей это дом? Который дом?

— А тот, где надпись «Гастроном»
И на стене газета.

— Ничей, — ответил пионер.

Другой сказал: — СССР. —

А третий: — Моссовета.

Старик подумал, покурил
И не спеша заговорил:

— Была владелицей его

До вашего рожденья

Аделаида Хитрово. —

Спросили мальчишки: — Чего?

Что это значит — «Хитрово»?

Какое учрежденье?

— Не учрежденье, а лицо! —

Сказал невозмутимо

Старик и выпустил кольцо

Махорочного дыма.

— Дочь камергера Хитрово

Была хозяйкой дома.
Его не знал я самого,
А дочка мне знакома.

К подъезду не пускали нас,
Но, озорные дети,
С домовладелицей не раз
Катались мы в карете.

Не на подушках рядом с ней,
А сзади – на запятках.
Гонял от гуда нас лакей
В цилиндре и в перчатках.

– Что значит, дедушка, «лакей»? –
Спросил один из малышей.

– А что такое «камергер»? –
Спросил постарше пионер.

– Лакей господским был слугой,
А камергер – вельможей,
Но тот, ребята, и другой –
Почти одно и то же.

У них различье только в том,
Что первый был в ливрее,
Второй – в мундире золотом,
При шпаге, с анненским крестом,
С Владимиром на шее.

– Зачем он, дедушка, носил
Владимира на шее?.. –
Один из мальчиков спросил,
Смущаясь и краснея.

– Не понимаешь? Вот чудак!
«Владимир» был отличья знак.
«Андрей», «Владимир», «Анна» –

Так назывались ордена
В России в эти времена... –
Сказали дети: – Странно!

– А были, дедушка, у вас
Медали с орденами?

– Нет, я гусей в то время пас
В деревне под РомнАми.

Мой дед привез меня в Москву
И здесь пристроил к мастерству.
За это не медали,
А тумаки давали!..

Тут грозный громовой удар
Сорвался с небосвода.
– Ну и гремит! – сказал маляр.
Другой сказал: – Природа!..

Казалось, вечер вдруг настал,
И стало холоднее,
И дождь сильнее захлестал,
Прохожих не жалея.

Старик подумал, покурил
И, помолчав, заговорил:

– Итак, опять же про него,
Про господина Хитрово.

Он был первейшим богачом
И дочери в наследство
Оставил свой московский дом,
Имена и средства.

– Да неужель жила она
До революции одна
В семиэтажном доме –
В авторемонтной мастерской,

И в парикмахерской мужской,
И даже в «Гастрономе»?

– Нет, наша барыня жила
Не здесь, а за границей.
Она полвека провела
В Париже или в Ницце,
А свой семиэтажный дом
Сдавать изволила внаем.

Этаж сенатор занимал,
Этаж – путейский генерал,
Два этажа – княгиня.

Еще повыше – мировой,
Полковник с матушкой-вдовой,
А у него над головой –
Фотограф в мезонине.

Для нас, людей, был черный ход,
А ход парадный – для господ.

Хоть нашу братию подчас
Людьми не признавали,
Но почему-то только нас
Людьми и называли.

Мой дед арендовал
Подвал.
Служил он у хозяев.
А в «Гастрономе» торговал
Тит Титыч Разуваев.

Он приезжал на рысаке
К семи часам – не позже,
И сам держал в одной руке
Натянутые вожжи.

Имел он знатный капитал

И дом на Маросейке.
Но сам за кассою считал
Потертые копейки.

– А чаем торговал Перлов,
Фамильным и цветочным! –
Сказал один из маляров.
Другой ответил: – Точно!

– Конфеты были Ландрина,
А спички были Лапшина,
А банею торговой
Владели Сандуновы.

Купец Багров имел затон
И рыбные заводы.
Гонял до Астрахани он
По Волге пароходы.

Он не ходил, старик Багров,
На этих пароходах,
И не ловил он осетров
В привольных волжских водах,

Его плоты сплавлял народ,
Его баржи тянул народ,
А он подсчитывал доход
От всей своей флотилии
И самый крупный пароход
Назвал своей фамилией.

На белых ведрах вдоль бортов,
На каждой их семерке,
Была фамилия «Багров» –
По букве на ведерке.

– Тут что-то, дедушка, не так:
Нет буквы для седьмого!
– А вы забыли твердый знак! –

Сказал старик сурово. –

Два знака в вашем букваре.
Теперь не в моде твердый,
А был в ходу он при царе,
И у Багрова на ведре
Он красовался гордо.

Была когда-то буква «ять»...
Но это – только к слову.
Вернуться надо нам опять
К покойному Багрову.

Скончался он в холерный год,
Хоть крепкой был породы,
А дети продали завод,
Затон и пароходы...

– Да что вы, дедушка! Завод
Нельзя продать на рынке.
Завод – не кресло, не комод,
Не шляпа, не ботинки!

– Владелец волен был продать
Завод кому угодно,
И даже в карты проиграть
Он мог его свободно.

Все продавали господа:
Дома, леса, усадьбы,
Дороги, рельсы, поезда, –
Лишь выгодно продать бы!

Принадлежал иной завод
Какой-нибудь компании:
На Каме трудится народ,
А весь доход – в Германии.

Не знали мы, рабочий люд,

Кому копили средства.
Мы знали с детства только труд
И не видали детства.

Нам в этот сад закрыт был вход.
Цвели в нем розы, лилии.
Он был усадьбою господ –
Не помню по фамилии...

Сад охраняли сторожа.
И редко – только летом –
В саду гуляла госпожа
С племянником-кадетом.

Румяный маленький кадет,
Как офицерик, был одет
И хвастал перед нами
Мундиром с галунами.

Мне нынче вспомнился барчук,
Хорошенький кадетик,
Когда суворовец – мой внук –
Прислал мне свой портретик.

Ну, мой скромнее не в пример,
Растет не по-кадетски.
Он тоже будет офицер,
Но офицер советский.

– А может, выйдет генерал,
Коль учится примерно, –
Один из маляров сказал.
Другой сказал: – Наверно!

– А сами, дедушка, в какой
Вы обучались школе?
– В какой?
В сапожной мастерской
Сучил я дратву день-деньской

И натирал мозоли.

Я проходил свой первый класс,
Когда гусей в деревне пас.

Второй в столице я кончал,
Когда кроил я стельки
И дочь хозяйскую качал
В скрипучей колыбельке.

Потом на фабрику пошел,
А кончил забастовкой,
И уж последнюю из школ
Прошел я под винтовкой.

Так я учился при царе,
Как большинство народа,
И сдал экзамен в Октябре
Семнадцатого года!

Нет среди вас ни одного,
Кто знал во время оно
Дом камергера Хитрово
Или завод Гужона...

Да, изменился белый свет
За столько зим и столько лет!
Мы прожили недаром.
Хоть нелегко бывало нам,
Идем мы к новым временам
И не вернемся к старым!

Я не учен. Зато мой внук
Проходит полный курс наук.

Не забывает он меня
И вот что пишет деду:
«Пред лагерями на три дня
Гостить к тебе приеду.

С тобой ловить мы будем щук,
Вдвоем поедem в Химки...»
Вот он, суворовец – мой внук, –
С товарищем на снимке!

Прошибла старика слеза,
И словно каплей этой
Внезапно кончилась гроза.
И солнце хлынуло в глаза
Струей горячей света.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...